

**Менталитет рабочих России
на рубеже XIX–XX в.**

Термин «менталитет» относится к числу модных и часто используемых в литературе последних лет. Однако его содержание трактовалось нередко весьма расплывчато: умонастроение; совокупность духовных ценностей; образ мышления и поведения; представления и поведение определенных групп общества; общие черты и элементы преемственности в ориентации и поведении социальных или партийных групп на определенном этапе развития ¹.

Автор склоняется к пониманию менталитета как умонастроения определенных слоев и групп населения, обуславливающего стереотип их представлений и поведения на том или ином этапе социально-экономического и политического развития. Можно думать, что сходного понимания придерживаются и некоторые другие историки ².

Для рассматриваемого времени не адекватным, но достаточно полным отражением менталитета большинства рабочих являлось многотысячное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. для передачи своей петиции царю, у которого «искали правды и защиты». Петиция содержала указания на обнищание, угнетение, на деспотизм и произвол со стороны хозяев и фабричной администрации. В петиции указывалось на необходимость народного представительства, причем реализация этого пожелания связывалась с «волей» царя: «...повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей тайной и равной подаче голосов». Шествие проходило под руководством священника Гапона и имело поначалу религиозный и в известной мере верноподданнический характер: его участники стремились отгородиться, отстраниться от воздействия партийных агитаторов различных политических направлений (с-д, с-р) ³.

И только после расстрела 9 января 1905 г. произошел перелом в сознании и поведении рабочих, который и привел к взрывной реакции и массовым выступлениям протеста по всей стране, давшим число стачечников в течение одного месяца, равное их численности за предшест-

вовавшее десятилетие. Перед тем как приступить к освещению темы, сделаем несколько предварительных замечаний, что должно способствовать пониманию конкретного материала.

Прежде всего следует иметь в виду относительно низкий экономический уровень развития страны (производство на душу населения, на единицу территории), слабую техническую оснащенность промышленности, что не могло не отражаться на условиях труда и материальном обеспечении рабочих, их быте. Необходимо также помнить, что в России конца XIX–начала XX в. существовал самодержавно-монархический строй. Власть царя Николая II была ничем не ограниченной. В стране не было парламента (на правах совещательного органа действовал лишь Государственный совет), отсутствовали демократические свободы – свобода слова, печати, собраний. Создание профсоюзных обществ и тем более партийных организаций не разрешалось. Преследовались законодательством активные участники массовых выступлений рабочих даже на экономической почве.

Число промышленных, прежде всего фабрично-заводских рабочих, было относительно невелико. Их насчитывалось в 1900 г. около 3 млн. человек, а вместе с непромышленными – занятыми в строительстве, на земляных работах, в сельском хозяйстве, в качестве чернорабочих, грузчиков, а также в мелком, кустарном, ремесленном производствах – примерно 14 млн. человек (из 140-миллионного населения страны)⁴.

Пролетариат был молод, значительная часть не только непромышленных, но даже фабрично-заводских рабочих оставалась связанной если не с сельским хозяйством, то с деревней. Становление и формирование рабочего класса в России происходило в одной из наиболее мелкобуржуазных стран Европы.

В литературе еще совсем недавно обращалось внимание прежде всего на происходивший со временем разрыв связи промышленных рабочих с сельским хозяйством и деревней. Однако в России рассматриваемого времени значительная, если не большая часть рабочих оставалась связанной с землей⁵. Нельзя не считаться и с тем, что рабочая сила промышленных предприятий страны лишь наполовину пополнялась за счет выходцев из рабочих семей, другая же половина – за крестьян⁶, привносивших в пролетарскую среду крестьянские представления и психологию. Сохранявшаяся вплоть до 1917 г. связь рабочих с деревней накладывала определенную печать на образ мышления, представления и поведение рабочих.

Наконец, необходимо иметь в виду, что пролетариат не был однородным: в нем были передовой слой, середняки и низший слой. Характеристика различных слоев рабочих дает возможность более реалистично,

всесторонне и взвешенно посмотреть и на события 9 января 1905 г., и на их предысторию.

Каковы же были представления рабочих по наиболее существенным вопросам социальной, экономической и политической жизни и каково было их поведение в этой связи? Можно указать на ряд черт, характерных для основной массы рабочих конца XIX – первых лет XX в., почитавших Бога, Царя и Родину, религиозные заповеди. Некоторые из этих устойчивых в прошлом представлений и связанного с ними поведения, имевшие истоком крестьянскую психологию, мораль и традицию, именно в рассматриваемое время «пришли в противоречие с действительностью», с условиями, в которых жила и трудилась основная масса рабочих. Многие рабочие начинали не только чувствовать, но и осознавать неустроенность в жизни и материальную, и правовую. Острее, чем все другое, причем постоянно, ощущались и осознавались тяжелое экономическое положение и бесправие. В различного рода документах присутствуют жалобы рабочих на тяжелые условия труда - продолжительный рабочий день (по закону 1897 г. он не должен был превышать 11 1/2 часов), низкую заработную плату, «прижимки» администрации, мастеров, неоправданную браковку изготавливаемой продукции, снижавшую заработок, а также неустроенный быт - питание, жилье, отдых.

Постоянной темой разговоров, жалоб, заявлений рабочих являлась низкая оплата труда – 203 руб. в год в фабрично-заводской промышленности, что не давало возможности большинству рабочих сводить концы с концами и делало их бюджет дефицитным. Регулярно встречались сетования на тяжесть труда, являвшейся следствием слабой технической оснащенности предприятий, на неустроенность жилья, невозможность в обычных казарменных условиях нормально отдохнуть. Эти умонастроения рабочих улавливали и отражали в нелегальной печати, листовках социал-демократы, эсеры, СДКПиЛ, ПСС и др.

Сохранилась обобщенная характеристика требований рабочих Киева в период всеобщей стачки 21–28 июля 1903 г., сделанная старшим фабричным инспектором. В городе насчитывалось 78 фабричных заведений, на которых было занято 9217 рабочих. В числе главных требований указывалось следующие: уменьшение рабочего дня до 8–9 часов (выдвигало 68% рабочих), повышение поденной платы (71%), вежливое обращение (66%), улучшение медицинской помощи (54%), улучшение условий труда в гигиеническом и санитарном отношении (41%), оказание материальной помощи во время болезни (28%)⁸.

В документе, подготовленном совещанием фабричных инспекторов Московской губернии, требования и пожелания рабочих во время за-

бастовки в январе 1905 г. сгруппированы следующим образом: 1) сокращение рабочего времени; 2) отмена сверхурочных работ; 3) увеличение заработной платы и ее выдача в рабочее время, прибавки за продолжительную службу, оказание медицинской помощи, улучшение санитарно-гигиенических условий проживания рабочих, обеспечение по старости, инвалидности и болезням, коренное изменение правовых норм и т.п.⁹ Отчеты и доклады инспекторов других губерний, документы фабрично-заводской администрации, местных властей, содержавшие сводку и анализ нужд и потребностей рабочих и обобщавшие их требования, подтверждают типичность приведенных выше данных¹⁰. Об этом же свидетельствует и петиция рабочих Петербурга, с которой они шли к царю 9 января 1905 г.

Наряду с тяжелым экономическим положением рабочие остро ощущали произвол администрации предприятий и местных властей, особенно полицейских, державших, как правило, сторону работодателя, а не рабочих. В этом отношении показательным заключение съезда окружных и старших фабричных инспекторов, который прошел в Петербурге весной 1905 г. В нем отмечалось: «...Наиболее развитые из рабочего населения вполне осознали потребность создания такого положения, при котором рабочие получили бы возможность беспрепятственно обсуждать свои нужды и изыскивать законные способы к улучшению своего быта... Требования, которые выставляют рабочие, за редким исключением не направлены против основ существующего строя. Главнейшие требования – сравнительно весьма скромные пожелания и притом узко профессионального характера. Так, под свободой собраний они разумеют право обсуждать свои нужды и изыскивать пути к улучшению своего положения; свобода слова представляется им в виде возможности законными способами заявлять о своих нуждах; под неприкосновенностью жилища и личности они разумеют освобождение рабочего от постоянного страха ареста и насильственного вторжения в его жилище за одно только то, что он заявляет о своих нуждах и предъявляет требования об изменении условий найма...»¹¹. В петиции рабочих (9 января 1905 г.) указывались следующие необходимые меры против беспорядка: «1) немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки; 2) немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собрания, свободы совести в деле религии...; 4) ответственность министров перед народом и гарантия законности правления; 5) равенство перед законом всех без исключения...»

Таким образом при известном различии менталитета высших, средних и низших слоев рабочих в рассматриваемое время можно отметить

и некоторые общие черты: потребность и стремление к материальному достатку, к обустроенной «человеческой» культурной жизни, к защите своего достоинства, своих прав человека и рабочего, к объединению.

Каково же было отношение рабочих к самодержавию и царю? Отождествление в прошлой литературе самодержавия и власти монарха представляется неправомерным. Многочисленные документы зафиксировали сознательное или неосознанное отрицательное отношение рабочих к самодержавию, под которым, однако, понимались прежде всего не государственное устройство, а полицейско-бюрократический произвол администрации – на предприятии, в городе, губернии. В петиции царю многократно говорилось о гнете, испытываемом рабочими со стороны чиновников, о наглой эксплуатации рабочих капиталистами и о «грабющем и душащем народ чиновничьем правительстве». Но при этом монархическое устройство государства, власть царя не затрагивались. Эта тема в абсолютном большинстве документов, исходивших от рабочих, не обсуждалась. Показательно в этом отношении письмо Емельяна из Одессы в редакцию газеты «Искра», относящееся к лету-осени 1903 года, когда ряд городов Юга был охвачен стачками. В нем говорилось: «В некоторых слоях массы населения представления о роли царя проявляются между прочим в довольно типичных возгласах: «Долой самодержавие, а царя оставить»¹². В Одессе на митинге во время всеобщей стачки в 1903 г. оратора, затронувшего тему «про царя», избили¹³. Говорить в рабочей среде Донбасса вплоть до конца 1904 г. «против царя» нельзя было даже в небольших кружках¹⁴. В этой же связи можно напомнить и шествие пятидесяти тысяч рабочих Москвы 19 февраля 1902 г. для возложения серебряного венка к памятнику Царю-освободителю Александру II в Кремле¹⁵. Число участников этого шествия было большим, чем в любой стачке в рассматриваемый период (в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г. – 30 тыс.; в каждом из городов Юга летом 1903 г. – не более 50 тыс.).

Если «передовые» рабочие, связанные с социал-демократией, социалистами, в царя, то этого нельзя было сказать о пролетарской массе. До событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч передовых рабочих стояли миллионы, у которых вера в царя сохранялась. Значительная часть рабочих («отсталые слои пролетариата», как отмечали социалисты) сохраняла «монархические предрассудки» и в разгар революционных событий 1905 г. встала, наряду с представителями других слоев городского населения, на защиту существовавших государственных устоев¹⁶.

Многие представления – отношения населения к Вере, Монарху, Отечеству, а также нормы общественно-бытового поведения – освяща-

лись религией. Как отмечал исследователь этого вопроса М.М. Персиц, «в своем критическом отношении к религии рабочая масса до 1905 г. не поднималась и не могла подняться выше религиозного индифферентизма»¹⁷. Но «индифферентизм» этот выражался прежде всего в нерегулярности – в силу ряда причин – отправления обычных религиозных обрядов, посещения церкви. Тем не менее большинство рабочих верили в Бога, посещали церковь, чтили религиозные обычаи, обряды праздники. П. Смидович, приехавший в 1898 г. в Екатеринослав и устроившийся работать на один из заводов электротехником, сообщал в нелегальную газету, что местные рабочие расспрашивали его о «европейских порядках, о свободе, о религии, о хозяевах, полиции и т.д.». Но токарь и слесарь железнодорожной мастерской «в конце концов отказываются садиться со мной за стол, – писал Смидович, – потому что я в бога не верую»¹⁸.

Немало документов, исходивших от рабочих, особенно после издания закона 1897 г., зафиксировали требования не проводить работ в дни религиозных праздников. Указаний в литературе и «хрониках» рабочего движения на волнения и стачки, которые были связаны с нежеланием рабочих трудиться в праздничные дни, немало. Однако упоминание о том, что все эти праздники были религиозными, в прошлой литературе снималось, и характер этих выступлений как бы видоизменялся, трансформировался. Между тем, согласно документам фабричной инспекции и полиции, а также социал-демократическим листовкам, в последние годы XIX в. рабочими во время массовых выступлений выдвигались требования не проводить работы в религиозные праздники или по крайней мере оплачивать работу в эти дни как праздничную и не взыскивать штрафы за невыход на работу в эти дни. В числе таких дней во время волнений и стачек 1898 г. рабочими назывались «двунадесятые праздники», в том числе «Сретение Господне» (11 текстильных фабрик Петербурга, 1 февраля), «Масляная неделя» – 27 февраля – 1 марта (бумаготкацкая фабрика П. и И. Щаповых и сахарорафинадный завод Даниловского т-ва в Москве), «Страстная неделя» (Главные паровозные мастерские Александровского механического завода Николаевской железной дороги в Петербурге – 8–11 апреля), «Святая Троица» – (фабрика джутовых изделий бр. Гольденштейн и Одерфельда в Ченстохове – май), «Перенесение мощей Св. Николая Чудотворца» (6 хлопчатобумажных фабрик Петербурга – май), «Церковный праздник Ильи Пророка» (5 бумагопрядильных и ситценабивных фабрик Петербурга – 20 июля), «Воздвижение Креста Господня» (3 текстильные фабрики Петербурга, сентябрь), «Введение во Храм пресвятой Богородицы» – 21 ноября (3 текстильных предприятия Петербурга; а также

предприятие в Одессе), «Христов день» (Нижний Новгород) ¹⁹. Даже если допустить, что подобного рода требования отчасти вызывались стремлением использовать повод для облегчения тяжелого труда, приверженность рабочей массы чтить религиозный календарь едва ли может вызвать сомнение. Примечательно, что столкновения рабочих с администрацией на указанной почве были зафиксированы в самых различных местах - Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Одессе, Ченстохове.

Показательно, что эти умонастроения рабочих находили отражение и в листовках социалистов ²⁰. Некоторые «дела» на предприятиях, в цеху начинались с молебна. В особых местах на предприятиях, в жилых помещениях обязательно висели иконы. Можно, правда, отметить, что во вновь осваиваемых районах (включая Донбасс) строительство культовых зданий не поспевало за строительством производственных объектов, и регулярность посещения церкви нарушалась. Религиозность подчас находила проявление не только в быту, но и во время массовых выступлений. Рабочие одной из табачных фабрик Симферополя, раньше почти не слыхавшие революционного слова и познакомившиеся в 1902 г. с прокламацией, призывавшей к стачке, «клялись на Библии друг другу – держаться до конца, пока хозяин не уступит» ²¹. Показательным являлось и 9 января 1905 г. В петиции петербургских рабочих, которую предполагалось передать царю в этот день, после перечисления их невзгод была фраза: «Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью, которых ты царствуешь?» Можно отметить также, что на этом этапе агитация социалистических партий почти не касалась антирелигиозных тем.

Все сказанное дает основание полагать, что религиозный индифферентизм как массовое явление в среде рабочих следует относить все же к более позднему времени – к 1905–1907 и последующим годам, когда по крайней мере в городах населению стал доступен кинематограф, а также другие массовые развлечения. Определенное подтверждение этому находим в газете правых «Русское знамя» за 1910 г. В заметке, которая так и называлась «Господство религиозного индифферентизма» и которая была посвящена описанию положения в одном из южных промышленных центров – Николаеве, отмечалось: «...пролетарию еще с 1905 г. стала безразлична вера его предков» и в другом месте: «...веяния новых идей повлияли в отрицательную сторону на религиозную психику русского народа, который теперь с легкой душой бежит смотреть театральные зрелища и уже тяготится исполнением долга православного, становясь совершенно безразличным к своей святыне – храму Божьему...» ²².

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. лишь «сознательные» рабочие, связанные с партийными организациями, являлись атеистами, хотя прежние устои, характеризовавшие отношение рабочей массы к религии и церкви, были поколеблены²³. Если иметь в виду отношение рабочих к Отечеству и его защите, то следует констатировать патриотические умонастроения не только в период русско-японской войны 1904–1905 гг., но и по крайней мере в начале Первой мировой войны (в 1914–1915 гг.). На формирование такого отношения оказывало влияние господствовавшая официальная идеология – почитания Веры, Царя и Отечества, давняя крестьянская традиция. Правда, часть рабочих, преимущественно западных регионов, принимала участие в антимобилизационных демонстрациях. Но подобного рода выступления были единичны и немногочисленны. Из общего числа 428 уличных демонстраций в России в 1901–1904 гг. на долю демонстраций антивоенного характера, прежде всего антимобилизационных, приходилось всего 11 процентов (48). Для последнего пятилетия XIX века соответствующие показатели и абсолютные (при общем числе демонстраций 67), и процентные были несравненно ниже²⁴.

Всякий общественный слой вырабатывает представление об идеале. Не были исключением и рабочие России, которые во второй половине XIX в. черпали представления, с одной стороны, «из религии», а с другой, – из привносимой в их среду интеллигенцией «социалистической литературы». Каково было представление рабочих (по крайней мере сознательных) о социальном идеале и как эти представления соотносились с высказываниями социалистов?

В России конца XIX – начала XX в., стране невысокого уровня развития капитализма, который после падения крепостного права насчитывал всего несколько десятилетий (в то время как во многих других странах – столетия), представления об идеальном обществе, казалось бы, могли быть связаны лишь с мечтой, с фантазией. Но с другой стороны, как раз пороки капитализма первоначального накопления создавали благоприятную почву для пропаганды «социалистов», их разговоров о социализме и вместе с тем о борьбе за светлое и справедливое общество, в котором не будет противоположности интересов различных групп населения, работодателей и рабочих и будет материальный достаток для всех. Высказывания о справедливом обществе, о социализме делались в российской литературе еще и раньше²⁵. С середины 90-х годов XIX в. они встречались по крайней мере в нелегальных изданиях уже достаточно часто. Но если нелегальная социалистическая печать так или иначе обсуждала этот вопрос, то многие практики вынуждены были констатировать, что рабочая масса не имела о социализме никакого представления или имела представление сугубо превратное. В насто-

ящее время, писал один из авторов в редакцию «Искры» в июне 1901 г., «о конечных целях движения говорят неохотно, а если и говорят, то конфузясь и краснея». В письме из Тулы по тому же адресу от февраля 1902 г. отмечалось, что «наши пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и считают его ругательным словом». В письме из Петербурга в редакцию «Искры» осенью 1902 г. сообщалось о «полном невежестве рабочих в основных вопросах социализма»²⁶. Таким образом, у большинства рабочих представления о социализме были превратными или весьма расплывчатыми (обычно соотносясь со справедливым и равноправным обществом). Между тем, по крайней мере у части передовых, сознательных рабочих эти представления были уже более конкретны. Сохранился замечательный в своем роде документ – стихотворение одного из членов «Иваново-Вознесенского рабочего союза», относящееся к концу 1895 г. В нем, хотя и в несовершенной форме, отражена идейная платформа «Союза», его задачи и цели, конечные, социалистические идеалы:

Мы, как члены славной партии,
Социальной демократии,
Мы прогресс желаем ей!
Мы – гроза купцов, царей...
Мы – враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, – все создавших, –
Страшным голодом морят.
Нашей партии задача:
Ниспровергнуть этот строй.
А на месте стона, плача
Создадим мы строй иной,
Строй такой, где люди будут
Все всеобщее иметь:
И землей, и капиталом
Сообща будут владеть.
Будут все равно трудиться,
И продукты от труда
Будут поровну делиться
Меж рабочими тогда.
Всю нетрудящуюся сволочь
Пошлем мы к черту!.. И тогда
Осуществим мы царство мира,
Свободы, равного труда²⁷.

Из этого следует, что осуществление социалистического идеала предполагало ликвидировать наряду с властью царей, и власть купцов,

«бездельников», которые живут чужим трудом и вынуждают рабочих пребывать в нищете и голоде. Во вновь создаваемом обществе земель и капиталом должны были владеть «все сообща», все должны были «равно трудиться» и все продукты труда делить «поровну», а само новое общество должно было стать олицетворением «царства мира». Эти представления провинциального рабочего-партийца были близки к стереотипу социалистической литературы, характерному и для первых лет XX в. В.И. Ленин писал в ноябре 1905 г.: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земли и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство»²⁸.

Если «сознательные» рабочие, может быть, не всегда разбирались в содержании понятия «социализм», то во всяком случае сам термин был им достаточно хорошо знаком, благодаря прежде всего нелегальным изданиям, листовкам²⁹, а иногда и легальной печати, боровшейся с «социалистическими учениями». Комментируя выход одной из брошюр Богдановича, «Московские ведомости» писали в январе 1903 г., что «появление подобных произведений было вызвано успехами «ученых деятелей социалистической пропаганды», стремившихся «просветить» московских рабочих «великим учением о широких всемирных задачах» социализма, сбивая с толку доказательствами «необходимости коренного общественного переворота», без которого русские рабочие будто бы никогда не достигнут благоустроенной жизни. «Они вообразили себе, – продолжала газета, – что русского рабочего так же легко завлечь в социалистическую ловушку, как и его западноевропейского товарища, дабы затем ловким образом злоупотребить его доверчивостью и сделать его слепым орудием социалистической революции в России»³⁰.

Здесь уместно рассмотреть вопрос об отношении рабочих России к частной собственности.

Сколько-нибудь сильной и прочной приверженности к собственности у большинства рабочих не было. И это можно объяснить их обустроенностью, низким уровнем жизни, отсутствием во многих случаях недвижимого имущества (жилья), низкой оплатой труда, не позволявшей копить деньги, отсутствием частнособственнической традиции.

С этим, надо полагать, было связано и нескрываемое негативное отношение рабочих к чужой собственности. Подобное умонастроение подогревалось социалистической пропагандой, постоянно указывавшей на несправедливое распределение богатства в обществе и призывавшей требовать от хозяев даже открытия бесплатных садов и парков, органи-

зации бесплатных гуляний для рабочих. Так, в одной из социал-демократических листовок, изданных в Петербурге в 1898 г., по этому поводу говорилось: «мы должны пользоваться этими развлечениями не как хозяйской подачкой, а как своей собственностью»³¹). Негативное отношение к чужой собственности проявлялось прежде всего на предприятии. Низкая оплата тяжелого труда подводила рабочих к заключению о том, что раз предприятие так бесчеловечно эксплуатирует рабочего, «крадет» его заработную плату, то и рабочий вправе поступать соответствующим образом в отношении предприятия. Отсюда ставшее на многих предприятиях «ординарным явлением» воровство изделий, деталей, которые затем можно было продавать на рынке, за счет чего и пополнить свой доход. П.Г. Смидович, посетивший в середине 90-х гг. XIX в. Екатеринослав, отмечал в газетной заметке, что «несуны» (рабочие, незаконно, скрытно выносившие с предприятия какие-то вещи) были тогда на металлических заводах города чуть ли не обычным, массовым явлением³². Эти кражи не выходили, как правило, за пределы «сферы производства» и напоминали кражи крестьянами помещичьего леса, сена и т.п., также совершавшиеся «из нужды».

В осознании своего тяжелого материального положения, его резкого отличия от положения предпринимателей и вместе с тем несправедливого распределения богатства в обществе, вероятно, следует искать объяснение и той наклонности части рабочих к погромным действиям, которые встречались во время стачек (и не только во время стачек). Эти погромные выступления рабочих рубежа XIX–XX вв. достаточно хорошо известны по «Отчетам» фабричных инспекторов и по современной литературе (в частности, по монографии Ч. Винна)³³.

Отсутствие сколько-нибудь сильного частнособственнического начала в среде рабочих способствовало в дальнейшем восприимчивости ими «социалистического учения», предполагавшего ликвидацию частной собственности на предприятия, землю и т.п. И в этой связи нельзя не привести слова министра внутренних дел П.И. Дурново (в кабинете С.Ю. Витте). В «Записке» на имя Николая II Дурново писал в феврале 1914 года, что, по его глубокому убеждению, в России «народные массы здесь несомненно исповедуют принципы бессознательного социализма» и здесь «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое» (а не в политическую революцию, как на Западе)³⁴.

Потребность в улучшении условий своего труда и быта, обустройстве своей жизни, в человеческом отношении к своей личности побуждала рабочих искать пути выхода из того положения, в котором они жили и трудились. Часть рабочих средство улучшения своего положения видела по-прежнему в просьбах, обращенных к предпринимате-

лям, администрации предприятий, фабричной инспекции, представителям местных властей (полицейским чинам, губернатору). В.И. Ленин отметил в 1917 г., что до событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч передовых рабочих стояли миллионы, у которых сохранялась вера в царя, являвшихся «наивными монархистами». Такие рабочие были способны главным образом просить и умолять (а не вступать в активную борьбу), свидетельством чему являлась гапониада³⁵. Иногда эти просьбы превращались в жалобы на своих притеснителей. Эту форму трудовых и социальных конфликтов отразила в своих «Отчетах» фабричная инспекция. Но вместе с тем с середины 90-х гг. XIX в. стачка – предъявление требований, сопровождавшееся прекращением работ, – становилась уже обычным явлением фабрично-заводской жизни. К этой форме протеста стали прибегать достаточно часто, причем нередко значительные группы рабочих, что побудило правительство начать с 1895 г. учет стачек рабочих фабрично-заводской промышленности, в которой было занято около 3 млн. человек.

Правда, доля участников стачечного движения во второй половине 90-х гг. XIX в. – 1904 г. оставалась еще очень небольшой, ежегодно не превышая 5% от общего числа фабрично-заводских рабочих. Этот показатель относится к 1903 г., за другие годы десятилетия он был меньше. Со временем «масса» участников стачечного движения становилась, естественно, больше, но все же оставалась незначительной. Отдельные группы рабочих, преимущественно в столицах и в промышленных центрах западного и южного регионов, поднимались до политических протестов – участия в демонстрациях. Но таких было сравнительно немного.

Одной из черт менталитета рабочих был коллективизм (повидимому, эта черта имела еще крестьянские истоки). В конце XIX в. она была зафиксирована в популярном в среде рабочих лозунге «Один за всех и все за одного». Однако коллективизм рабочих (по крайней мере до 1905 года) имел местный масштаб, не выходил за местные пределы – предприятия, города и связанного с ним региона (а у крестьян – нескольких уездов). Солидарность с рабочими других городов была еще редким и немасштабным явлением. Даже в период «всеобщей стачки» на юге России в июле–сентябре 1903 г. выступления рабочих в различных городах проходили не одновременно, а как бы «по цепочке». Рабочие во многих случаях выражали скорее не солидарность, а стремление добиться того же, чего добивались или добились их товарищи. «Всеобщая стачка» на Юге России не была поддержана рабочими других регионов.

До 1905 г. к числу выступлений солидарности следует отнести прежде всего первомайские демонстрации и стачки. Но их было немно-

го, они были малочисленны и проходили преимущественно в столицах и в городах западного и южного регионов. Первомайских демонстраций в России (включая и Финляндию) ежегодно проходило от 15 до 32, а всего в 1901–1904 гг. их прошло 80, что составляло менее пятой части от общего числа демонстраций (428)³⁶. Переломным в этом отношении следует считать 1905 год. Но даже в этом году вплоть до осени многие выступления в стране шли разрозненно. Часть же рабочих продолжала использовать и старые методы протеста, связанные скорее со своими прошлыми представлениями – уход (бегство) в нарушение договора найма, поджоги, погромные выступления, террористические акты и др.

Каковы были представления рабочих о необходимости и возможности их объединения в профессионально-классовые организации, их участия в партийных организациях? Надо сказать, что часть рабочих России, и прежде всего западных регионов страны, имела – пусть самые общие – представления о профсоюзах, о партиях, которые существовали и действовали (причем легально) в странах Западной Европы. Более того, часть рабочих «поднялась» до осознания необходимости создания профсоюзных организаций и реализации этих своих намерений. Такие нелегальные организации начали действовать уже в конце 90-х гг. XIX в. – первые годы XX в. Появление, с согласия властей, полиции, так называемых зубатовских рабочих организаций в Москве, в западном и южном регионах были отражением этого процесса. Подобные легальные организации в первые годы XX в. действовали в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Николаеве, Перми, Минске, Одессе, Вильне, Гродне, Бобруйске. Однако численность даже этих, открытых с согласия полиции, организаций оставалась сравнительно небольшой: в Москве она достигала нескольких тысяч, в Минске – 1,5 тыс., в Одессе – 2 тыс. человек³⁷.

В самом конце XIX – начале XX в. «сознательные» рабочие начали искать связи с партийными организациями – социал-демократическими, народническими, эсеровскими национальных социалистических партий (ППС и др.). Но эти организации, действовавшие в подполье, нелегально, оставались пока все еще малочисленными. В конце 1895 – начале 1896 г. известный впоследствии деятель РСДРП И.В. Бабушкин написал для Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» листовку «Что такое социалист и политический преступник». В ней были такие слова: «Большинство рабочих не имеет понятия о том, что такое «социалист»³⁸. Со временем число рабочих, познакомившихся с революционной литературой, прокламациями различных нелегальных партий, узнавших, что значит слово

«социалист», естественно, увеличилось. И все же насколько неясна для многих рабочих была суть различных организаций, с помощью которых они могли изменить к лучшему свое прежде всего экономическое положение, свидетельствует поддержка одними и теми же рабочими на каком-то этапе представителей зубатовских организаций, а затем – революционеров, представителей нелегальных партийных организаций (а иногда и наоборот). Для той части рабочих, которая была задавлена экономическим и политическим гнетом и которая начала пробуждаться и проявлять социальную активность, но еще плохо разбиралась в политических течениях или вовсе не знала о политических партиях, были характерны колебания от сочувствия революционерам до восторженно-го почитания жандармского полковника, объявляющего, как это было в Минске в 1901 г., о создании рабочих организаций (зубатовских), которые будут защищать их интересы перед предпринимателями³⁹, от участия в зубатовских обществах – до разочарования в них и поисков более надежных путей улучшения своего положения как это было во время стачки в Одессе летом 1903 г.

Непосредственное участие рабочих в партийных организациях социал-демократов, эсеров и других партий было все же весьма незначительным. Достаточно сказать, что численность наиболее крупных социал-демократических организаций накануне 1905 г. была следующей: Петербургской – 400 человек, Иваново-Вознесенской – 350, Владимирской – 650, Смоленской – 400, Киевской – 700, Екатеринославской – 800, Кременчугской – 150, Союза горнозаводских рабочих (в Донбассе) – 400, Саратовской – 600, Уфимской – 200. Общая численность РСДРП (без национальных организаций – Бунда и др.) была менее 10 тысяч. Рабочие же составляли в социал-демократических организациях того времени примерно 56–62 процента, а нередко и меньшую долю. Это означало, что рабочих – членов наиболее влиятельной в пролетарской среде партии – насчитывалось примерно 5 тыс. человек. Даже от числа фабрично-заводских, промышленных рабочих, этот показатель составлял менее 0,2%. В прошлой литературе практически обходился вопрос о силе и возможностях партийных организаций того времени. Между тем свидетельства на этот счет сохранились, но они не согласовывались с тональностью прежних работ и поэтому не использовались. К их числу относится доклад Петербургского комитета III съезду РСДРП, в котором отмечалось, что накануне января 1905 года большевистская организация в столице находилась «в крайне плачевном состоянии», среди членов городского комитета не было рабочих, связи с массами были нарушены и ослаблены, дело доходило до избиения рабочими партийных агитаторов, уничтожения

листовок⁴⁰. Указания на то, что большевики в Петербурге в 1905 г. были «слабы» (примерно 1000 чел.), связи с рабочими – «минимальные»⁴¹, встречались и в воспоминаниях. С этими свидетельствами в какой-то мере согласуется информация нелегальной газеты московских большевиков (за февраль 1905-го) о положении в столице накануне «Кровавого воскресения»: Гапон «...был везде. Он ободрял, убеждал, заклинал стоять до конца... Комитеты социал-демократический и социалистов-революционеров решили на общем собрании примкнуть к уже создававшемуся движению... Даже простое присоединение к движению в начале не удавалось; прокламации принимались неохотно; их заменяли послания о. Гапона»⁴².

Многие рабочие, и прежде всего социально активные, ценили товарищество, взаимовыручку, взаимопомощь (что не исключало приверженности части рабочих к подхалимству, наущничеству, оскорбительному отношению к товарищам)⁴³.

В многонациональном государстве, каким была Россия, немаловажной чертой менталитета рабочих являлись доброжелательные отношения между представителями различных национальностей. Следует заметить, что рабочая сила в большинстве регионов (за исключением, пожалуй, Польши и Финляндии) была национально неоднородной, смешанной. Думается, имеется достаточно оснований констатировать нормальные отношения и в быту, и на производстве между рабочими различных национальностей и различной религиозной приверженности. Это отмечалось и официальными документами, характеризовавшими поведение рабочих в первые годы XX в. во время крупных выступлений на Юге страны. В этой связи показательно заключение прокурора Кутаисского окружного суда по поводу Батумской стачки в марте 1902 г. (на предприятиях города трудились грузины, абхазцы, русские, казанские татары и представители других национальностей). Прокурор отмечал «замечательно стойкую, крепкую солидарность рабочих разных племен, наречий и вероисповеданий, людей, иногда не понимающих друг друга, но очевидно слившихся в одном чувстве»⁴⁴. В еще большей степени это было характерно для всеобщих стачек лета 1903 г. Орган Кавказского союзного комитета РСДРП в связи с всеобщей стачкой в Баку писал: «Впервые все бакинские пролетарии слились в одну гигантскую семью... около одной заветной цели – освобождения трудящихся. Рабочий – русский и мусульманин, армянин и поляк... подали друг другу руку»⁴⁵. В письме о стачке в Елисаветграде Херсонской губернии в июле 1903 г. сообщалось: «Товарищ, брат!» – таково было обычное обращение здешнего русского рабочего к еврейскому во время стачки»⁴⁶. Подобное положение отмечалось и в других

национальных регионах страны. «Несмотря на преобладание элементов, чувствительных к национальным вопросам, – сообщалось в корреспонденции из западных – белорусских и литовских губерний, – среди рабочих почти нет националистов; сионизм... не встречает сочувствия в рабочей среде, и местные сионисты состоят из средней буржуазии; нет также в рабочей среде враждебных друг другу элементов»⁴⁷.

В приведенную характеристику взаимоотношений рабочих различных национальностей как бы «не укладываются» некоторые факты.

Известно, что в первые годы XX в. в Варшаве польские и еврейские рабочие – приверженцы соответственно ППС и Бунда проводили первомайские демонстрации нередко в одно и то же время, но на различных улицах. Но в данном случае размежевание происходило не по национальному, а прежде всего по партийному признаку.

Особняком стоят антиеврейские погромы в Кишиневе и в некоторых других местах в первые годы XX в., а также армяно-татарская резня (а позднее – в мае 1915 г. – антинемецкий погром в Москве). Строго говоря, эти события, в которых участвовали и рабочие, не характеризовали, однако, взаимоотношения между рабочими различных национальностей (они, кстати, осуждались нелегальной партийной печатью различных направлений и «сознательными» рабочими). Основу, подоплеку, повод этих безусловно массовых выступлений можно усмотреть в материальной недостаточности, имущественном неравенстве, а также в издавна сложившихся отношениях, связанных с религиозными различиями. Примечателен в этом отношении ответ полицейских властей Киевской губернии на запрос Департамента полиции. В «Справке», относящейся к началу 1906 г., в частности, отмечалось: «...разжигания национальной вражды не замечалось, но последняя существует независимо от партий между евреями и русскими вследствие постоянных столкновений на экономической почве»⁴⁸. Возникавшую социально напряженную ситуацию в отдельных случаях использовали власти, направляя гнев простого населения по националистическому руслу.

Благоговейным было отношение большинства рабочих к образованию, знаниям, квалификации, культуре. Рабочие проявляли жажду «света культуры», стремление к повышению образовательного, уровня. Это в известной мере обуславливалось объективными условиями – усложнением производства, городской жизнью, но в определенной мере и желанием – благодаря этому – «обустроить» жизнь, сделать ее лучше, более обеспеченной в материальном отношении. Рабочие – по сравнению с крестьянами – имели больше возможностей это свое стремление реализовать, что нашло отражение в более высокой грамотности рабочих⁴⁹.

В конце XIX-XX в. не только сами рабочие осознавали, «ощущали» себя «особым сословием», со «своими» представлениями и «своим», особым поведением. Это констатировали и представители властей, заводской администрации и др.

Со временем представления и особая линия поведения приобретали четкие очертания, все более выделяя рабочих из массы трудового населения, все более разрывая нити, связывавшие рабочих с крестьянством. И это также было зафиксировано официальными документами. Во всеподданнейшем докладе Харьковского губернатора за 1899 г. отмечалось, что фабричный рабочий, сделавшись постоянным городским жителем, «утрачивает многие хорошие особенности, свойственные деревенскому обывателю, и прежде всего исконное его мирозерцание, положительное и беспритязательное, покоящееся на указаниях религии и заветах предков. Отчасти под действием чисто физических причин, каковы тяжелый труд и нередко антигигиенические условия городской жизни, отчасти под влиянием городских соблазнов, рабочий теряет физическую выносливость и душевное равновесие, присущее сельскому жителю; он делается нервным, притязательным, склонным ко всякого рода мечтаниям. Эти свойства фабричного рабочего пролагают весьма удобный путь к возбуждению в нем недовольства и собственным положением, и общественным строем, к чему и направлены в последнее время усилия врагов существующего порядка, к сожалению, сопровождающиеся некоторым успехом. В отчетном году во многих промышленных заведениях Харьковской губернии замечены были попытки к устройству стачек и забастовок и к представлению разных требований по улучшению положения рабочих... Текущий год уже дает несколько указаний, что в рабочую среду, по крайней мере в крупных центрах, успели уже в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за свои попираемые будто бы интересы, причем средствами борьбы должны были служить устройство стачек, забастовок, манифестаций и другие подобные просьбы, в совершенстве выработанные рабочими Западной Европы... [1 мая] рабочие пытались большими толпами, в виде процессии, пройти по городу с манифестационными целями, причем даже были попытки выкинуть красные флаги... рабочие вели себя затем весьма вызывающе, дерзко, требовали освобождения своих арестованных товарищей и настойчиво выставляли свои требования, в том числе уменьшения рабочего времени до 8-часового. Волнения рабочих продолжались несколько дней... рабочие действовали под влиянием широко распространенных в последнее время прокламаций, исходивших от разных социа-

листических кружков, и по программе, рекомендуемой этими кружками... рабочие в данном случае уже отнюдь не являлись слепым орудием в руках злонамеренных лиц... многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину. В этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом»⁵⁰. Шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский писал в 1901 г.: «В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на заводе еще немного, но эта ничтожная горсть... руководит всей остальной инертной массой рабочих»⁵¹.

Эти примечательные документы весьма рельефно рисуют представления и поведение рабочих (передовых и отчасти середняков), указывают на черты, отличавшие рабочих от крестьянской массы, сельских обывателей: нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; «иронический взгляд» на действительность, ослабление религиозных представлений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения; особые «манеры людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй»; «пренебрежение законом» и неповиновение властям; стремление изменить свое положение с помощью организации революционеров, массовых выступлений, направленных против предпринимателей и в какой-то мере против властей. И все же, несмотря на происходившие сдвиги и изменения во взглядах и стереотипах поведения, менталитет большинства рабочих оставался в общем и целом в рамках прежних представлений, освященных религией, церковью, официальной идеологией.

За пределами этой характеристики находился лишь сравнительно небольшой слой сознательных, передовых, социально активных рабочих, связанных с социалистами и участвовавшими ранее в массовых выступлениях.

При этом, однако, нельзя не отметить следующего важного момента, касающегося менталитета рабочих России конца XIX – начала XX в.: он был в стадии ломки ряда старых и утверждения некоторых новых представлений, в стадии формирования. Низшие слои оставались еще в плену консервативных представлений, «передовики» воспринимали, усваивали и пытались даже руководствоваться «новыми взглядами», привносимыми социалистической интеллигенцией, представителями партийных организаций. «Середняки» нередко колебались, проявляя неустойчивость и во взглядах, и в поведении.

Революционные события 1905–1907 гг. производят и оформляют существенную корректировку менталитета прежде всего средних и низших слоев, не говоря уже о том, что изменяют соотношение слоев в пользу социально более активных рабочих. Эти сдвиги выразились в изменении представлений о способах улучшения своего положения, в изменении отношения к самодержавно-полицейским порядкам, в изменении отношения к леворадикальным партиям, в стремлении к организации и др. Но во всех этих изменениях предшествовавший период был естественной предысторией «раскачивания» и надламывания прошлых, консервативных представлений и стереотипов поведения.

¹ Политология в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Краснодар, 1993. С. 47; Краткий справочник современных понятий и терминов. Изд. 2-е. М., 1995. С. 240; Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. №3. С. 158-166.

² См.: Шеррер Ю. Социал-демократическая интеллигенция и рабочие // Реформы или революция? Россия. 1861-1917. СПб., 1992. С. 117, 118; Хаймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903–1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. Т.1. М., 1994. С. 20, 32, 51; Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. Ч. 2. М., 1994. С. 276-279; Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.

³ См.: Петиция рабочих и жителей Петербурга // Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало Первой русской революции. Январь–март 1905 г. М., 1955. С. 28-31 (док. №21).

⁴ См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. Изд. 2-е. М., 1989. С. 273.

⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 161, 1901 г., д. 56, л. 51.

⁶ Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих России. СПб., 1906. Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С. 141. Канель В. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. Ч.1. М., 1907. С. 5-6.

ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1898 г., д. 147, л. 2–3.⁸ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 561.

⁹ Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931. С. 190-191.

¹⁰ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903. С. XI-XII; Горбунов И. Рабочий вопрос в постановке его рабочими во время стачек в период с 1896 по 1909 г. включительно // Вестник Общества технологов. СПб., 1910. №7-8.; 1911. №7-8; Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. С. 180-189, 190-195; Невский В.И. Январское

рабочее движение 1905 г. (Материалы фабричной инспекции) // История пролетариата СССР. М., 1930.

¹¹ Цит. по: Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу. М., 1906. С. 258-259.

¹² Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. В 3-х т. Т. 1. М., 1975. С. 117.

¹³ Скрышник Н. Две революции // Летопись революции. Харьков, 1930. №6 (45). С. XI.

¹⁴ Левус. Из истории революционного движения в Донетском бассейне // Народное дело. Б. м. Изд. ЦК партии эсеров. 1909. №3. С. 66.

¹⁵ Тихомиров Л. Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих // Былое. Paris. 1912. №14. С. 86-88.

¹⁶ См.: Плеханов Г.В. Сочинения. Т.12. М., Л., 1925. С. 17-18, 27, 31; Т.13. М.; Л., 1926. С. 338, 342, 351; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.9. С. 217; Т.13. С. 331–332. См. также: Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т.3. Кн.5. СПб., 1914. С. 254-355; Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992; Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. Екатеринбург, 1994. С. 17, 62, 63.

¹⁷ Персиц М.М. Атеизм русского рабочего (1870–1905). М., 1965. С. 230.

¹⁸ Смидович П. Рабочие массы в 90-х гг. М., 1930. С. 12–13.

¹⁹ ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1897 г., д. 43, л. 39–39 об., 50, 58; ОО, 1898 г, д. 4, ч.1, л. 61–61 об., 74; д. 4, ч. 1, лит. Б, л. 1; д. 4, ч.1, лит. А, л. 12, 14-15, 16, 17; ч.8, л. 20–20 об.; РГИА, ф. 23, оп. 7, д. 312, л. 95 об., 99, 114, 125; Рабочее знамя. 1898, №1. С. 10; Рабочее дело. 1899, №2–3. Отд. 1, С. 37; Тахтарев К.М. Очерк петербургского рабочего движения 90-х гг. Лондон, 1902. С. 105, 106; Озеров И.Х. Указ. соч. С. 113-114; Рабочее движение в России. Т. 4. Ч. 2. М., 1963. С. 42–43. (док №8), с. 765, 766, 771, 774, 775, 780, 782, 789, 790.

²⁰ См., например, листовки петербургских социал-демократов за 1898 г. ГАРФ, ф. 1741, оп. 1, №17781; Рабочее движение в России. Т. 4. Ч. 2. С. 230.

²¹ Революционная Россия. Париж, 1902. Октябрь. №12. С. 14.

²² Ч-ский. Господство религиозного индифферентизма // Русское знамя, СПб., 1910. 15 октября. С. 2.

²³ Положение тверских рабочих. Женева, 1899; Доклад товарища министра внутренних дел Святополк-Мирского Николаю Романову (1901 г.) // Красный архив. М., 1936. Т.3 (76). С. 62-66; Миронов К. Из воспоминаний рабочего. М., 1906. С. 22; Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1931. С. 89.

²⁴ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 489-490, 588-589.

²⁵ Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.

²⁶ См.: Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903. Сб. док. В 3-х т. Т. 1. М., 1969. С. 130, 432; Т. 2. М., 1969. С. 424.

²⁷ Махов Н.И. На заре революционного движения (Из личных воспоминаний) // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник... на 1921 г. Иваново-Вознесенск, 1921. С. 33-34; Стихотворение Махова «На Новый год» («Мы как члены славной партии...») см.: Вещественное доказательство к протоколу осмотра №9. 1 февраля 1896 г. // ГАРФ, ф. 1167, оп. 2. д. 1899.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 81.

²⁹ См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1 (1895-1897 гг.). М., 1961. С. 597-599; Первое мая в царской России. М., 1939. С. 19-21; Что такое социализм и революция. Одесса. Изд. партии социалистов-революционеров. 1904.

³⁰ Московские ведомости. 1903, 22, 23 января (ГАРФ, ф. 1167, оп. 2, д. 5536, л. 12).

³¹ ГАРФ, ф. 1741, оп. 1, №3702; ф. 102, оп. 252, 1898-1899 гг., д. 18, л. 4-4 об.

³² См.: Смидович П. Рабочие массы в 90-х гг.. М., 1930. С. 11-12.

³³ Wynn Charters. Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass-Dnepr. 1870-1905. Princeton-New Jersey, 1992.

³⁴ Красная новь. Кн.6. М., 1922. С. 178-199.

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С. 309.

³⁶ Рабочий класс от зарождения... С. 588-589.

³⁷ Там же. С. 553, 578-579.

³⁸ Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса. 1895-1897». М., 1934. С. 20-21; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 4. Ч. 1. С. 49-50.

³⁹ См.: Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России (по неизданным материалам). Л., 1925. С. 191-192.

⁴⁰ Третий съезд РСДРП: Протоколы. Апрель-май 1905 г. М., 1959. С. 544-545; см. также: Невский В.И. Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1930. С. 154.

⁴¹ Гуль. Я унес Россию. Воспоминания. [Запись рассказа А.Д. Нагловского, опубликованная во II томе] // Огонек. 1992. №7. С. 11.

⁴² Голос труда. М., 1905, февраль (после 20).

⁴³ См.: Клейнборт Л. Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир. СПб. 1913. №4; Шишкин В.Ф. Так складывалась революционная мораль. М., 1967; Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 131-132.

⁴⁴ ГАРФ, ф.102. ОО. 1898 г., д. 4, ч.38. Гегемония пролетариата в революционно-демократическом движении России. 1895-1904 гг. М., 1974 С. 184-185.

⁴⁵ Листок «Борьбы пролетариата». 1903. №3. С. 4.; Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903-1905 гг. М., 1955. С. 103.

⁴⁶ Последние известия. 1903, 27 (14) августа. №141. С. 2-3.

⁴⁷ Я.О. Условия жизни рабочих С.-З. Края (Письмо из Минска) // Неделя. 1904. №3. С. 11-12.

⁴⁸ Наряд по секретной переписке. По Киевской губ. 1906 г. // ГАРФ, ф. 102. 00. 1906 г., оп. 236 (II отд.), д. 828, ч. 8, л. 5.

⁴⁹ Русское богатство. СПб., 1900. №12. Отд. II; Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX в. М., 1905. С. 89, 91; Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы (1902–1912 гг.). М., 1912. С. 1, 3; Королева М.Л. Формирование культурного облика и общественно-политического сознания московских рабочих на рубеже XIX–XX вв. (1895–1904). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; Кизченко В.И. Культурный облик пролетариата Украины в период империализма. Киев, 1990.

⁵⁰ ГАРФ, ф. 102. 00. 1898 г., д. 5, ч. 12, лит. А, л. 44-46 (частично опубликовано: Летопись революции. Харьков, 1924. №2. С. 217-223).

⁵¹ См.: Красный архив. М., 1936. №3. С. 62.